7: Kreinovich RX2 Gilyak

Академия Наук СССР
и Народный Комиссариат Просвещения РСФСР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

№ 5

Издательство
Академии Наук · Ленинград · 1934

Е. А. Крейнович

Морской промысел гиляков деревни Куль

В 1931 г. я был командирован к амурским гилякам с целью изучения их диалекта и собирания материалов для составления букваря. Некоторую долю времени мне удалось выделить и на изучение вопросов из области этнографии: истории гиляцких родов, родовых угодий, междуродовых отношений, морского промысла и др. В настоящем очерке я предлагаю вниманию читателя добытый в результате этой работы материал по морскому промыслу гиляков д. Куль.

1

При первых признаках наступления весны, начиная с месяца qar-loŋ (‘хороший месяц’),[1] гиляки д. Куль начинают охоту на тюленя. Они вытаскивают крюки, снимают с них старые бичевки и навязывают на них новые. Потом производят религиозно-магический обряд обдымления их в дыму ели и растения, называемого по-местному (t'əkr) богульник, и отправляются на нартах, запряженных собаками, на огромные ледяные поля Охотского моря. Приехав туда, охотник-гиляк спускает kuti-ŋəŋ-gan (‘отверстия ищущую собаку’) на поиски отдушин тюленей. В каждую найденную собакой отдушину гиляк спускает свои крюки, привязывая их к палке, положенной через отдушину. Тюлень, желая подышать воздухом, высовывает голову. Находящиеся в отдушине крюки мешают ему, он хочет погрузиться обратно в воду, но в этот момент один или два крюка вонзаются в его тело. Крюки снасте́й kitə,[2] из которых приготовляются орудия лова тюленей в отдушинах, оттачиваются так остро, что при малейшем сопротивлении вонзаются в тело. На следующий день гиляк снова приезжает к этому месту. Он смотрит, не попал ли на его крюки тюлень. Вытащив сквозь отдушину попавшегося тюленя, гиляк убивает его, сильно ударив по голове особым ударником, специально изготовленным для убивания тюленей. Ударник этот, называемый toŋr-tas (от toŋr ‘голова’ za-d ‘бил’, s суффикс орудия действия), изготовляется из сука какого-нибудь крепкого дерева. Сук вырубается вместе с находящимся у его основы куском ствола, которому придается затем округлая форма. На нижнем конце ручки этого своеобразного молотка вырезывается изображение морды тюленя.

2

Через некоторое время, после этой охоты на тюленей у отдушин, когда разломанный лед отходит от берега, гиляки выезжают на лодках и „кормят море“ из muurs (‘черпака для вычерпывания воды из лодки’), кусочками студня

[1] Соответствует примерно концу февраля — началу марта.

[2] Снасти для лова тюленей в летнее время. Важнейшей частью этих снастей является множество остроотточенных крюков.

mos,[1] каши и высушенным растением aγs, называемого местными русскими пучка. Иногда после этого кормления производят охоту на тюленей, на близлежащих льдинах.

После первого „кормления" устраивается pilgur tol-fənd ('большое кормление моря, буквально 'большое водобросание'). Только после этого „кормления" охотники отправляются на охоту в море на лодках.

Для „большого кормления" женщины готовят два сорта студня — mos и muvi, варят кашу из риса или проса, приготовляют сушеную сарану, горох, ягоды, табак, сушеные стебли пучки (aγs). Кроме того, варят для кормления собак суп. Считается, что если собакам не сварить еды, причем накормить их нужно до рассвета, то они съедят жертвоприношение морю и последнее не дойдет до места назначения. Во избежание этого, гиляки особо кормят еще собак морских духов (по представлениям гиляков духи такие же люди, как и они, и имеют своих собак). Для этого гиляки берут кости рыбьего хвоста (matγe), обвязывают их пучкой и бросают в море перед жертвоприношением духам. Гиляки полагают, что собаки духов, поев рыбьих костей, насытятся и не станут есть предназначенных их хозяевам угощений.

Когда все дары готовы, мужчина-охотник идет с ними к морю. На жертвоприношениях морю женщины не присутствуют. Придя к берегу, гиляк у самой воды втыкает в одно место два прутика, один прут keγla-nəks и один прут qosk nəks ('рябины'). На небольшом расстоянии от первых двух прутьев он втыкает у края воды еще два таких же прутика. Эти своеобразные ворота называются taγr. Сквозь taγr бросается в море жертвоприношение. Сперва бросают из uiγ-γir[2] — корыт, предназначенных для кормления утопленников (mos для этих корыт приготовляют мужчины), потом бросают mos из tol-γir ('морских корыт'), для которых оно, как во всех прочих случаях, всегда изготовляется женщинами. После жертвоприношения корыта, стоявшие „глазами" к морю, повертывают — „глазами" к дому.[3] Затем в корыта кладут взятые с берега камешки, которые по приходе домой бросают на огневище.

Оставшимся после жертвоприношений гиляки угощают сородичей, едят сами, причем mos с uiγ-γir едят только старики. Женщинам, детям и молодым охотникам есть mos из этих корыт не разрешается.

„Кормление моря" необходимо провести до отъезда охотников. Когда охотники отбыли в море, „кормить море" нельзя. В настоящее время этот обычай мало соблюдается и если кто-нибудь опоздал, то он „кормит море" поздно вечером, когда по приблизительным расчетам находящиеся в море охотники уже пристали где-нибудь к берегу, хотя очень часто они ночуют на льдах.

После этого жертвоприношения гиляки начинают готовиться к отъезду в море на охоту.

3

Основным условием для промысла тюленя в море служит большая вместительная, многовесельная лодка. Не всякий гиляк является обладателем

[1] Студень, изготовляемый из сваренных кож кеты, растертых вместе с тюленьим жиром и водой. Когда заканчивается растирание студня, в него густо насыпают ягоды и выносят на дому, чтобы дать ему остыть.

[2] Uiγ-γir изготовляется по человеку, утонувшему в море. Первый uiγ-γir — скоро „потерять надо", как выражаются гиляки. Потом делают другой, который держат долго. Когда кто-нибудь утонет, гиляки состязаются на лодках, борются, бегают. Между прочим, в д. Чайво, на Охотском берегу Сахалина, где культ утопленников изучен мною весьма подробно, веселиться после того, как кто-нибудь утонет — не разрешается.

[3] Корыта имеют форму животного. На tol-γir, которое, повидимому, эту форму утратило, „глаза", как я наблюдал в д. Чайво, делаются на одном его конце капельками mos.

такой лодки, пригодной для далеких путешествий. В д. Куль имеется не больше 10 таких лодок.[1] Во время охоты на тюленя, охотники объединяются в коллектив вокруг лодки точно так же, как во время ловли кеты они объединяются в коллектив вокруг невода или заездка.

Когда наступает время охоты, хозяин такой лодки начинает подбирать для себя спутников. Если у хозяина есть в деревне зять (ore), то он предлагает ему поехать с ним на охоту. Вообще же хозяином лодки подбираются охотники вне зависимости от принадлежности к роду.

Так, напр., с хозяином лодки гиляком Norp из рода Tfənuŋ ехали охотники из следующих родов: Otaq из рода Hutevič, Potaq из рода Neojafiŋ, Ət из рода ɬaɣramlaŋ, Onkan из рода Leznran и Tesk из рода Tfənuŋ.

Такова же картина и в других коллективах охотников, уехавших на охоту в 1931 г.

Коллектив охотников, объединенный вокруг лодки, иногда называется по имени хозяина лодки. Например: ɣəlɣtun-mu-nim ('Гыльхтюна лодка одна'), Xitkun-mu-nim ('Хиткуна лодка одна').

Хозяин лодки является организатором и руководителем всего объединенного вокруг нее коллектива охотников. Все едущие с ним подчиняются ему. Руководитель такого коллектива охотников называется pilaŋ ('большак')[2] (от pila-d — 'быть большим', 'большой', ŋ — суффикс, оформляющий отглагольные имена существительные).

4

На pilaŋ лежит много обязанностей. Pilaŋ обязан:

1. Осмотреть лодку, уключины и в случае надобности принять меры для починки; осмотреть и приготовить весла для гребли и рулевое весло.

2. Приготовить и захватить с собой ремни, наконечники острог (t'amrăɣ), древка острог (veɣl), свои ружья и ружья едущих с ним охотников, котел и чайник (охотники обязаны захватить с собой только кружки), палатку, парус, треногу для чайника и котла, компас.[3] Преобладающее большинство этих предметов принадлежит pilaŋ.

3. Совершить ряд религиозно-магических обрядов перед отправлением на охоту и во время охоты. Так pilaŋ обдымляет лодку, делает mu-ziɣəd и tnaj, о чем мы подробнее скажем ниже. Во время охоты только кресалом или спичками pilaŋ можно разводить костер. Охотники не имеют права разводить костер своим огнем, они обязаны брать его для этого у pilaŋ.

4. Сидеть за рулем, наблюдать за ветром, за льдом. Молодые охотники, неискушенные в поездках по морю, всецело полагаются в этом отношении на pilaŋ. „Если pilaŋ хорошо наблюдает за ветром и льдами, тогда молодые охотники спокойны", сказал мне один гиляк.

5. Произвести раздел добычи между охотниками.

Таким образом, мы видим, что на pilaŋ лежат весьма ответственные руководящие функции. Гиляки мне говорили, что если во время охоты произойдет что-нибудь неладное, то считается виновным в этом pilaŋ.

Кроме организаторов, в коллективе охотников должны быть хорошие гребцы и меткий стрелок.

[1] К сожалению, во время моего краткого пребывания в д. Куль я не догадался учесть количество этих лодок.

[2] Такие называется старейший в роде и вообще великий руководитель на производстве или промысле.

[3] Раньше вместо компаса в море брали naŋq-vaχ („товарищ камень" или „товарищеский камень") (см. примечание к приложению „Охота на тюленя").

5

В лодке все от начала и до конца охоты организовано. Каждый охотник занимает в лодке определенное место за веслами. Каждое место имеет свое название.

Место за первой парой весел от кормы называется ŋəťivd, второе ťalpuf', третье alχ-p'id, четвертое məγerq-p'id ('в сторону носа сидящий'), пятое lele məχ-p'id ('на самом носу находящийся'). Бывают лодки с шестью и даже семью парами весел.

Первое место от кормы ŋəťivd занимает один из самых старших и самых сильных гребцов в лодке. За следующей парой весел сидит более молодой. Место за веслами на носу занимает самый молодой из едущих охотников.

Когда приезжают к льдам и наступает время охоты, место на носу занимает самый лучший стрелок. До этого он сидит наравне с другими за веслами и гребет. Когда тюленя не видно, он гребет наравне с другими, сидя на носу. Часто pilaŋ, как самый старший из едущих, оказывается по сравнению с молодыми охотниками лучшим стрелком и тогда он передает кому-нибудь руль, а сам садится на нос для стрельбы из ружья в тюленя. Так, напр., pilaŋ, гиляк Norp, во время охоты сидел на носу и стрелял в тюленей. В это же время на руле сидел гиляк Ət, которому он передал руль. Pilaŋ гиляк Tavjun во время охоты находился на носу. По его сообщению он один убил двадцать тюленей, а двух „промазал". Сказанное не значит, что из всего коллектива охотников в тюленей стреляет только один человек. Стреляют двое, трое или четверо охотников, но лучший из них сидит на носу. Охотникам часто приходится вылезать на льдины, так как в лодке не всегда бывает удобно подъехать к тюленям на расстояние выстрела.

Если в лодке едет один лишний человек, напр., 5 гребцов, pilaŋ — рулевой и еще один человек, то pilaŋ, если он самый старший в лодке, сидит в корме и ничего не делает, а следующий за ним по возрасту сидит за рулем. Так, гиляки приводили мне в качестве иллюстрации этого следующий пример: если в лодке среди других охотников поедут Xitkun и Kaun и оба они будут старшими по отношению к другим едущим с ними охотниками, то Xitkun, как самый старший, будет сидеть на корме и ничего не будет делать за исключением дачи указаний, а Kaun, как младший по отношению к Xitkun'у, будет сидеть за рулем. Если же в лодке, в числе других более молодых охотников, поедут Tujun, Xitkun, Pləskuk и Kaun, то последние двое, как наиболее молодые по отношению к двум первым, сядут за весла, Xitkun сядет за руль, Tujun, как самый старший, будет сидеть на корме. Бывает так, что Pilaŋ моложе едущего в лодке лишнего человека, тогда pilaŋ садится за руль, а тот сидит на корме. Такой случай лично мне известен. В лодке pilaŋ'а Norp ехал старик Onkan, который сидел на корме и ничего не делал в то время, как Norp все время сидел за рулем. Когда же Norp был на носу и стрелял в тюленей, а Ət, которому Norp передал рулевое весло, сидел за рулем, старик Onkan продолжал сидеть на корме. О своей работе Onkan шутя мне сказал: „Так сидел, ничего не делал, пай нашел". От других я узнал, что во время охоты он помогал раскладывать костер, готовить пищу и, повидимому, помогал еще кое в чем другом, за что был взят с собой. К сожалению, подробней я ничего об этом случае выяснить не мог. Не было времени. Onkan выполнял, повидимому, ряд посильных для него работ, чем облегчал весьма тяжелый труд других охотников.

Между прочим, вышеизложенные факты достаточно ярко иллюстрируют роль старших у гиляков.

6

Как было указано выше (см. гл. 4), pilaŋ делает на лодке mu-ziγəd и tŋaj. Mu-ziγəd делается на корме лодки. В кормовую доску вбиваются две коротенькие и тоненькие как спички палочки. Расстояние между ними равно, примерно, двум пальцам. Потом эти палочки обвязываются тонкой ниточкой, сделанной из волокон крапивы. Ziγəd обыкновенно делается гиляками на руках детей. Считается, что если обвязать руку ребенка ниточкой, сделанной из собачьей шерсти вместе с волокнами крапивы, то это предохранит его от болезней. Факт делания гиляками mu-ziγəd на лодке дает основание предполагать, что у гиляков некогда, повидимому, существовало возрение на лодку как на живое существо. Mu-ziγəd на лодке, повидимому, служит оберегом, предохранителем лодки от несчастий.

Кроме mu-ziγəd на лодке делаются tŋaj. Tŋaj значит 'изображение', 'фигура', 'картинка'. Из ветки рябины (qosk-ŋəks) pilaŋ делает две маленькие фигурки с стружками (чнау). Одну из этих фигурок помещают на носу лодки, а другую на корму. Один раз я видел такую фигурку на шее изображения птицы ugŋ, помещаемой гиляками на нос лодки. Фигурка, находящаяся на носу, обращена лицом к морю. Об этих tŋaj мы будем еще говорить ниже.

Над лодкой совершают еще один обряд: перед отправлением на охоту лодку обдымляют. По обе стороны лодки зажигают небольшие костры из ели и богульника, причем стараются их расположить, так, чтобы дым шел на лодку. Pilaŋ берет ветку ели и богульника и, начиная с носа лодки по направлению к корме, бьет ветками по внешней и внутренней ее стороне, по уключинам для того, чтобы elvlaf-pəkəzd — „скверные места (или скверное) потерять". Потом охотники сталкивают лодку мимо огня в море и уезжают.

Я видел, как успевший уже вернуться после охоты гиляк Xitkun во второй раз выехал вместе с охотниками в море. За веслами сидело пятеро охотников. От сильных и дружных ударов пяти пар весел, лодка быстро и легко понеслась в море. Xitkun, крепко сжав рулевое весло, направил нос лодки к северу, к едва видневшемуся вдали мысу. Гиляки спокойно и тихо гребли. Им нечего бояться. На корме их лодки сидит опытный, испытанный в поездках pilaŋ, а на носу помещенное изображение морской птицы ugŋ и фигурки tŋaj — зорко будут высматривать и оберегать их путь.

Когда лодка превратилась в маленькую точку и очертания ее начали сливаться с водой, женщины, провожавшие охотников, поднялись с берега и ушли домой.

7

Выехав из деревни, охотники направляются к северу. Прежде всего они едут к Uiγ-krˈə „священному мысу."[1] Приехав к нему, они вытаскивают на берег лодку. Pilaŋ берет черпак, в котором находятся обычные для таких случаев угощения и бросает их в море. Каждый охотник везет с собой подобные дары, которые pilaŋ вместе с своими дарами бросает в море. Если охотники едут мимо Uiγ-krə, то с первой льдины, к которой они пристают, они бросают в море свои приношения. Гиляки считают, что в каждом мысу (krˈə) живет ətik — старуха. Этим старухам также следует что-нибудь уделять во время поездки по морю. Считается, что tvax-ətik 'старуха устья', живущая в устье р. Куль, помогает на охоте.

[1] Повидимому, на этом мысу находятся „памятники," по утверждениям.

8

Раньше гиляки во время охоты на тюленя доезжали до T'uurf (Тугурского залива). Иногда они оставались там даже зимовать, занимаясь в течение зимы охотой на лисиц. Гиляки сказали мне, что на kəvr-mif („Шантарские острова") древние гиляки будто бы не ездили.[1] В настоящее время едут не дальше Lo·ri. Прежде гиляки выезжали в море, когда начинал ломаться лед. В море они охотились до конца лета, после чего возвращались в деревню ловить кету. Когда из-за отсутствия льда нельзя было охотиться на тюленя на льдинах, они охотились на них при помощи tola-k'e 'толстого невода'.

В настоящее время уезжают в море не надолго, на один-два месяца. Так, напр., Norp выехал вместе с охотниками в море 8 июля, а вернулся с охоты 2 августа. В 1930 г. две лодки охотников, охотясь на тюленя возле мыса Лидтке, пробыли там два месяца.

Современные гиляки также охотятся при помощи невода tola-k'e.[2] Tola-k'e изготовляется из толстого шнура, по местному матауза. В длину он имеет 45 ручных (маховых) саженей. Каждое очко этого невода настолько велико, что в него входит голова сивуча. Tola-k'e ставится недалеко от берега. Верхняя веревка Tola-k'e называется ŋəski 'спина'. Береговой конец ее называется əmləus, а морской əz-baχ-puks 'хозяйского камня привязь'. На этот конец, опускаемый в море, привязывают əz-baχ 'хозяйский камень' или 'хозяин камень', весящий по словам гиляков два пуда. Камень этот — якорь невода, объяснили мне гиляки. Внизу невода в качестве грузил также привязаны камни, называемые tətr-raχ. К верхней веревке невода привязываются большие деревянные поплавки (vaʀ). Сивуч, попадая головой в невод, начинает барахтаться и иногда настолько сильно, что забрасывает на верхнюю веревку нижний край невода вместе с грузилами, оказываясь таким образом словно в мешке. Иногда в невод попадает дельфин. Тюлень rəγi хитер и в невод редко идет.

Tola-k'e гиляки Куль ставили и ставят на K'ivi-ŋalu, K'e-ŋalu, Vilk, Lonri и Ət.

9

По словам старика Virp'a некоторые роды д. Куль в старое время являлись владельцами промысловых угодий на тюленя.

Так род Qavjuŋ владел: 1. Lulvəχ-pər, 2. ɳaγrqej, 3. Ət.

Lulvəχ-pər и ŋaγrqej — названия торчащих из моря камней, на которые вылезают из воды тюлени. Ət — островок, возле которого также есть такие камни.[3]

Род Tnaunuŋ владел: 1. Mat-lonri, 2. Tnəri-γr'ə, 3. Zomi-vər.

Первые два угодия представляют собою части берега, на которые вылезают отдыхать тюлени, а третье — камень.

Род Kezoŋ владел возле Vilk берегом, на который вылезали отдыхать тюлени и Harzə-vər — камнем.

[1] По сообщению Шренка гиляки на Шантарских островах охотились. (Об инородцах Амурского края, т. II, стр. 288.)

[2] Из древних орудий охоты на тюленя в д. Куль совершенно вышла из употребления огромная плавающая на воде острога tla. Эта острога составлялась из нескольких длинных палок, выточенных из ствола лиственницы. Я ознакомился с ее устройством и наблюдал, как охотятся при помощи ее в д. Чайво. Длина этой остроги достигает 18 ручных саженей.

[3] Во время тумана охотники пристают к берегу или к островку Ət. В это время молодые охотники развлекаются, играют. На Ət есть два laqr-raχ камня для игры: „а кто может поднять, а кто не может поднять, — так играют". Недалеко от этих камней есть ровное место, на котором гиляки состязаются в прыганьи на одной ноге (təŋot lerd).

10

Выехав в море, охотники для успешного исхода охоты, прибегают к многим предосторожностям. Так, они в разговорах друг с другом, не называют ряда вещей своими именами, а называют их условно. Этот условный язык — отголосок тех отдаленных времен, когда охотники скрывали с его помощью свои намерения от зверей, полагая, что звери понимают речь человека.[1]

Так, во время охоты охотники вместо

Vo 'деревня' говорят hiulaf.

mif 'земля' говорят otχ 'испражнение'. Если земля далеко, говорят tevl otχta, если близко — knemla-otχta.

mu 'лодка' говорят orʻq.

kʻeɲ 'солнце' говорят am.

la urd 'хорошая погода' — букв. 'ветер хорош' говорят am sodra.

təlu 'туман' говорят verʻq.

umgu 'женщина' говорят hiuləd.

qan 'собака' говорят aim.

tʻo 'рыба' говорят tomr 'лист'.

loq 'камбала' говорят pna-domr.

loɲr 'форель' говорят manm.

nemla 'линек' говорят naχ-tomr.

vaγs 'сиг' говорят vətik.

alqoɲ 'кунжа' говорят doχti[2].

tiγr 'дрова' говорят ops; tuin ops-ket tʻuγr-arguda 'здесь дрова взяв, огонь накормим'.

laɲr 'тюлень' говорят vaad; mor-vaad 'два тюленя', tor vaad 'три тюленя'.

laɲr pud 'нерпа вынырнула' говорят lorɲ.

iγd 'убить' говорят nazd.

pət 'завтра' говорят mandqa.

eγr vida 'обратно пойдем' говорят pəχtkuda.

saru-mu 'полная лодка' говорят ulvəta-mu.

kər-qoqod 'голоден', 'есть хочу' говорят tava-qod 'tava болит'.

krəzd 'сыт' говорят mat-toqn-tangad' мизинец торчит (?)' или tot-qod 'рука болит'.

urla-dus 'хорошее мясо' говорят amra-elvla-dus 'amra скверное мясо'.

əkila-dus 'плохое мясо' говорят amra-urla-dus 'amra хорошее мясо'.

и др.

Кроме табу на ряд названий, охотникам во время охоты, необходимо соблюдать еще и другие табу.

Так, напр., нельзя выливать из лодки воду на ту льдину, где были убиты тюлени. Xitkun, который сообщил мне об этом, сказал, что он едва не ослеп из-за того, что вылил воду из лодки на льдину с убитыми тюленями.

Нельзя во время охоты колоть землю ножом.

Нельзя плевать в кровь тюленя и т. д.

[1] Подробней см. об этом в интересной и обильной фактами работе Д. К. Зеленина — „Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии". Сборник Музея антропологии и этнографии, том VII, 1929.

[2] Гиляки говорят, что слова mand и doχti заимствованы ими у тунгусов.

11

Кроме охотников должны выполнять ряд табу и оставшиеся дома, в особенности женщины.

Так, оставшиеся никоим образом не должны стирать в доме хозяина лодки. Ничего нельзя передавать друг другу через огонь, ибо в таком случае тюлень, подойдя к неводу, переплывет через него.

Нельзя резать кожу на обувь (kiγid), так как при этом может порваться tola-k'e.

Нельзя варить сердца тюленя, пока не кончилась охота.

Беременной женщине нельзя выходить к берегу моря, так как из-за этого может уплыть в море весь лед, и тогда нельзя будет охотиться на тюленя.

В связи с этим, приведу здесь из своего сахалинского дневника содержание одного разговора с гиляками. Разговор этот происходил 5 июня 1928 г. в д. Хои, на западном берегу Сахалина (в 50 вер. от г. Александровска). Я сидел в юрте у гиляка Ройгина. Кроме меня и Ройгина в юрте были гиляки Кавзьгун, Чулкин, Фурага и ныне уже умерший старик Плетунка, один из друзей и переводчиков Л. Я. Штернберга.

„Вот, сказал мне Ройгин, весной когда на тюленя охотиться поедешь, тогда все, что в доме делается знаешь. Тюлень все покажет. Если хорошее что-нибудь в доме делается, тюлень не покажет, а если плохое, то непременно покажет. Вот, напр., станет женщина в доме голову чесать, тогда и тюлень на льдине голову лапой чешет. Если в доме драться будут, то и тюлени на льдине начинают драться. Если женщина вымоет что-нибудь в доме и повесит, тогда тюлень может находиться хотя бы в пяти шагах от охотника, а охотник пусть хотя и стреляет, все равно не попадет в него. В белье только, говорим мы, попадешь. Это k'əs 'бог', наверное, что-нибудь перед тюленем повесил. Если в деревне произойдет кража, то и это тюлени покажут. Если оставшаяся дома жена вступит во время пребывания мужа на охоте в половую связь с другим мужчиной, то и тюлени на льдинах начинают вступать в половую связь. У нас есть такие гиляки, что если увидят такое дело в море, то возвращаясь домой, избивают свою жену, а потом от соседей по деревне узнают, что это было в действительности. Вот еще если тюленье мясо сваришь, поешь, а потом палочкой ковырять будешь зубы, то тюлень в море покажет, как палочкой зубы ковырял.

Во время весенней охоты на льду, когда гиляки невдалеке от берега прыгают с льдины на льдину и острогой бьют тюленей, оставшиеся в доме ничего не должны поломать, ни блюдца, ни раковины, так как при этом льдина, на которой находится охотник — отец, брат или сын, разломается и он может утонуть. Поэтому дома все должны быть очень осторожны.

В тот день, когда дома что-нибудь неладное делается, охотник в море не добудет тюленя. Тогда, сердитый, он возвращается домой и пытается установить причины, оставившие его и товарищей без добычи".

Весь этот рассказ Ройгин вел со мной для того, чтобы доказать мне существование k'əs 'бога', в чем я не хотел с ним согласиться. „Откуда, говорил он мне, тюлень за двадцать верст узнает, что происходит в доме. Это ему наверное k'əs говорит. Вот поэтому мы говорим k'əs есть".

Между прочим, после беседы с Ройгиным Плетунка сказал мне, что у mrolv-niγəvŋ 'древних гиляков', был такой uiγənd „табу" „грех" во время охоты на тюленей. Гость в доме не должен был прикасаться к ручке котла или чайника. Только хозяин (точно так же как и теперь) мог наливать гостю чай или другую жидкую пищу. Если гость хоть нечаянно дотрагивался до ручки котла или чайника, то он должен был оторвать от края рукава лоскуток материи и положить его на (очаг).[1]

[1] В дневнике это слово записано неразборчиво. Насколько я помню, Плетунка говорил об сэдэ.

12

Во время весенней охоты гиляки д. Куль охотятся на различные породы тюленей. При случае охотятся и на дельфинов. Среди тюленей они различают следующие породы и возрасты:

Pila-laŋr 'Сивуч'

1. Nav-ŋa 'теперешний зверь', т. е. сивуч, родившийся в этом году.
2. Tje-ŋa буквально 'прошлогодний зверь', т. е. двухлетний сивуч или сивуч, родившийся в прошлом году.
3. Pila-laŋr 'сивуч', буквально 'большой тюлень'.

Pəγi

Среди тюленей pəγi различаются следующие возрасты, причем pəγi каждого возраста имеет свое название. Напр.:

1. Qrγər самый молодой из pəγi.
2. Mat-ŋəsχəl следующий по возрасту за pəγi. Название его пока условно, может быть этимологизировано таким образом: mat-ŋəski-kəld; mat- 'маленький', ŋəski 'спина', kəld 'длинный', т. е. маленький спинно-длинник.
3. Tje-ŋəsχəl прошлогодний ŋəsχəl.
4. Qat следующий по возрасту за tje-ŋəsχəl.
5. Sinsiu-γa следующий по возрасту за qat, т. е. самый старый pəγi.

Qoma

1. Heqr-motk самый молодой qoma.
2. Taŋarŋa следующий по возрасту за heqrmotk.
3. Arəfk следующий по возрасту за taŋarŋa, т. е. самый взрослый qoma.

Alχ

Среди Alχ различаются два вида: olvarak — пестрый и dalr — серый.

13

Самым ценным тюленем из числа перечисленных считается сивуч. Из кожи сивуча изготовляются самые крепкие ремни, собачья сбруя и обувь (головки вместе с подошвой; голенища изготовляются из кожи других пород тюленей).

Если добыча большая, охотники оставляют на льду мясо, предпочитая взять с собой лишние шкуры с салом и головы тюленей. Головы отделяются вместе с двумя шейными позвонками (maχt) и тремя верхними ребрами.

Когда убивают в море тюленя или дельфина, гиляки первым делом „кормят" его корнем растения piskər.[1] Если не выросло это растение, то кормят травой muzŋi. Когда охотники отправляются на охоту, они забирают с собой достаточное количество этих растений. Убив тюленя, они открывают ему рот и сквозь него вталкивают в носовую полость корень этого растения. Стебель растения кладут рядом с тюленем на лед и там оставляют его. На льду оставляют также pər 'желчь' тюленя, возле которой кладут piskər.

После того как убивают сивуча, ему обмывают голову и морду водой. Это обмывание производится из особого черпака ŋa-ŋain-du-muurs буквально 'зверя лицо моющий черпак', т. е. черпак, из которого моют лицо зверя.

Головы вместе с положенным в них piskər отвозятся домой.

14

Когда убивают первого сивуча (до этого можно убить любое количество других пород, что во внимание не принимается), pilaŋ производит кормление фигурок tŋaj. Он разрезает грудь сивуча и кровью, взятой из его сердца,

[1] В более южных деревнях „кормят" корнем растения „отŋохt".

мажет фигуркам рот. Гиляки говорят, что если помазать все лицо, то они не смогут „смотреть". После этого обряда кормления сивуч считается принадлежащим pilaŋ. При дележе добычи, как это будет видно из нижеприводимых фактов, сивуч этот учитывается наравне с другими сивучами. Правда, один гиляк сообщил мне, что он учитывается в том случае, если добыто мало сивучей. Не делая пока еще окончательного вывода о возможности отчуждения pilaŋ'ом в свою пользу лишнего сивуча сверх получаемой им доли при дележе добычи, так как для этого у нас мало данных, мы хотим в настоящее время подчеркнуть в этом факте два бесспорных для нас обстоятельства. Во-первых, что первый добытый на охоте сивуч целиком присваивается pilaŋ, во-вторых, что это присвоение замаскировано религиозным обрядом.

Последнее обстоятельство объяснило мне сущность ряда существующих у гиляков табу.

Так, напр., у гиляков на мясо медведя имеется целый ряд табу для молодых охотников (также и для женщин), в то время как этих табу не существует для старых охотников. Перечислять эти табуированные части, которые запрещено есть молодым охотникам (также и женщинам), здесь не место. Укажем только на объяснение некоторых из этих запретов гиляками. Так, напр., сердце медведя молодой охотник не должен есть потому, что у него заболит сердце, когда он во время охоты набредет на след медведя. Ну, а охотиться с заболевшим сердцем на медведя, конечно, нельзя. Язык медведя молодой охотник, не должен есть потому, что на охоте при встрече с медведем, медведь его задерет. „Зато язык старый человек только кушать можно". В таком же примерно, роде построены у гиляков все осмысления табу.

Было бы смешно искать во всех этих табу и их объяснениях какой-то особенный смысл. Смысл этих табу и их объяснений один, — они скрывают от молодых охотников и женщин факт присвоения старыми охотниками, играющими руководящую роль в охоте, под видом религиозных запретов самых вкусных частей добычи.

Табу регулирует взаимоотношения не только между старыми и молодыми охотниками, но между мужской и женской половинами рода.

Так в том же 1931 г. в деревне Cχarvaχ (Чарбах) старый гиляк Kozin и ∂γisk (Агиска) сообщили мне любопытные табу на ряд предметов для детей, во время их игр.

Мальчику нельзя играть коромыслами и дощечкой, на которой женщина кроит кожу и материи (tans-kəlmr). Нежелательно также, чтобы мальчик играл женским кроильным ножом (tan-daqo).

„Когда я маленький был, сказал мне Kozin, старики не допускали, чтобы мальчику на плечо положили коромысло. Это Uit ('табу', 'грех'). Если мальчик мальчика ударит коромыслом или кроильной дощечкой по ногам, то когда большой будет и в тайгу на охоту пойдет, то может быть плохо ходить будет". ∂γisk же сказал, что у него удачи в охоте не будет.

∂γisk сказал мне, что девочке не следует играть стрелой, луком, копьем, ибо у этих орудий удачи (по местному русскому выражению — фарта) не будет. Женщина или девочка могут нечаянно перешагнуть через копье или стрелу, и тогда стрела войдет в медведя не глубоко и выпадет обратно. Поэтому-то девочке нельзя играть этими предметами.

Эти табу показывают, что уже с раннего возраста дети приучаются к определенному труду, что мальчикам даже в игре нельзя иметь дело с орудиями женского труда и, наоборот, девочкам — с орудиями мужского труда. Эти табу с самого рождения узаконяют для женщины и для мужчины существующее в гиляцком роде разделение труда.

Женщины, в роде, выполняют самую тяжелую и непочетную с точки зрения мужчин работу, которую в недавнем прошлом у гиляцких богачей выполняли рабы. Женщина должна носить воду, колоть дрова, кормить собак, сидеть за веслами (муж, если она даже в последних месяцах беременности, все равно сидит за рулем; мужчина должен сидеть за рулем, а женщина за веслами; обратное положение постыдно и не допустимо для гиляка-охотника), готовить пищу, шить одежду, обувь и выполнять множество других тяжелых работ, часть которых считается постыдными для достоинства охотника.

Мужская половина гиляцкого рода — охотники, добытчики пищи. Они добывают ее для всего рода. Они добывают рыбу, медведей, тюленей. Они производят раздел добычи. Они играют руководящую роль в экономической, социальной и религиозной жизни рода и никоим образом не допускают, чтобы женщины, хотя бы в одной из этих областей, играли равную с ними роль. В производственной деятельности рода женщины играют подчиненную роль, — они собирательницы растений, кореньев и ягод. В области социальной жизни рода, они не могут играть никакой роли, ибо с самого рождения не принадлежат к нему и когда подрастают, то отдаются, фактически продаются, охотниками в другой род, причем взявший их род, т. е. род зятя (ore) попадает в зависимое положение от рода тестя (apak). В области же религиозной жизни рода они также не играют никакой роли.

Женщинам не разрешается присутствовать на главнейших моментах „медвежьего праздника", ибо охота на медведя есть дело мужчин-охотников, а не женщин. Женщинам ни разу за всю их жизнь не разрешается есть мяса от лучших частей медведя. Им разрешается только есть немного мяса от худших его частей. Женщины не могут присутствовать на жертвоприношениях духам леса и моря, помогающим охотникам на промыслах, ибо охотничий промысел дело мужчин. Беременная женщина, как мы об этом писали выше, не должна даже подходить к морю во время охоты мужчин на тюленя, ибо лед из-за этого может исчезнуть и они вернутся ни с чем домой, и т. д. и т. п.

Указанные табу — религиозно-магическая надстройка над половым разделением труда. Объяснение их надо искать не в религии, а в отношениях между различными группами людей в первобытном обществе.

Узаконяя это разделение труда, табу превращают женскую половину рода в рабов второй половины — охотников-мужчин.

Не останавливаясь больше на этих вопросах, укажем только, что за табу не скрывается ничего мистического, табу часто придается мистическое содержание, для того чтобы одурманить сознание человека, закабалить его и скрыть от него сущность нарождающихся эксплоататорских взаимоотношений между людьми, как это видно в примере с tŋaj, когда попытка отчуждения сивуча проводится не в открытой форме, а в скрытой — под видом религиозно-магического обряда.

Но вернемся к прерванной теме.

15

Добыв достаточное количество тюленей, охотники, нагруженные добычей, возвращаются в деревню. По приезде в деревню pilaŋ производит раздел добычи. Здесь-то как раз и видно, что законно принадлежащий pilaŋ'у сивуч, кровью которого он кормил tŋaj, засчитывается при дележе добычи. Почему этот обряд остановился на присвоении первого сивуча pilaŋ и не дошел до полного отчуждения его в пользу последнего сверх получаемой им доли при дележе добычи, сказать трудно. Нам кажется, что это может быть объяснено весьма сильными пережитками первобытно-коммунистического способа распределения добычи у гиляков д. Куль, не допускающего еще отчуждения целого лишнего сивуча в пользу одного лица.

Привожу несколько записанных мною примеров распределения добычи между гиляками-охотниками по их возвращении с промысла домой в д. Куль 2 августа 1931 г., в которых весьма наглядно выражен первобытно-коммунистический характер распределения.

Коллектив γəlχtun'a добыл 18 сивучей, 9 рəγi 11 qoma и 1 alχ. 3 сивучей, 5 qoma и сало с двух тюленей они продали на мысу Лидтке в отделение Рыбаксоюза. Полученные деньги и оставшуюся добычу они разделили поровну.[1]

γəlχtun	получил	2 сивучей	2 рəγi				
Jotkun	„	2	„	1	„	1 qoma	1 ремень[2]
Nəгр (стрелок)	„	1	„	1	„	1	„ 3 ремня
Rənţik	„	2	„	2	„	—	„ 1 ремень
Təvus	„	2	„	1	„	1	„ „
Zabojko	„	2	„	1	„	2	„ 1 alχ
Tuŋa	„	2	„	1	„	1	„ 1 ремень
		13 сивучей	9 рəγi	6 qoma		6 ремней = 2 сивучам 1 alχ	
На ремни		+2					
Продали		+3		5			
Итого		18 сивучей	9 рəγi	11 qoma		1 alχ	

Коллектив Nitgin'a добыл 19 сивучей, 8 qoma и 1 рəγi. 3 сивучей и 4 qoma они продали на мысу Лидтке. Полученные деньги и оставшуюся добычу разделили поровну.

Nitgin	получил	2 сивучей	—		2 ремня	
Nlamin	„	2	„		1 ремень	
Kizgun	„	2	„	1 qoma	1	„
Verun	„	2	„	1	„	1 „
Ozgun	„	2	„	1	„	1 „
Iγŋun	„	2	„	1	„	1 „
Izgun	„	2	„	1 рəγi		1 „
		14 сивучей		4 qoma и 1 рəγi	8 ремней = 2 сивуча	
На ремни		+2				
Продали		+3		4		
Итого		19 сивучей		8 qoma	1 рəγi	

Коллектив Nogp'a добыл 26 сивучей, 1 рəγi и 12 qoma, 8 сивучей и 4 qoma они продали на мысу Лидтке, деньги от проданного и остальную добычу они разделили поровну.

Nogp	получил	2½ сивуча	2 qoma	2 ремня		
Əţ	„	2½	„	2	„	2 „
Potaq	„	2½	„	1	„	2 „
Otaq	„	2½	„	1	„	2 „
Tesq	„	2½	„	1	„	2 „
Oŋkan	„	2½	„	1	„	2 „ и 1 рəγi
		15 сивучей	8 qoma	12 ремней = 3 сивучам		
На ремни		+3				
Продали		+8	4			
Итого		26 сивучей	12 qoma	1 рəγi		

[1] К сожалению, я не записал, как был произведен раздел денег.

[2] Шкура молодого сивуча nav-ŋa режется на три куска, а более взрослого — на четыре. Из каждого куска вырезывается один тонкий длинный ремень, который после этого сразу же растягивают для сушки.

Получение Norp'ом одного лишнего qoma отнюдь не служит доказательством того, что он получил больше в сравнении с другими охотниками. Qoma не ценный тюлень и получение одного лишнего qoma или недополучение его большой роли не играет. Важно распределение сивучей. Сивучей он получил наравне с другими. И если уже можно говорить о том, что кто-то получил самую маленькую толику лишнего, так это Nitgin: он получил один лишний ремень, но зато не получил qoma и, таким образом, тоже получил наравне с другими. Этот первобытно-коммунистический способ распределения добычи в д. Куль, наблюдавшийся мною в 1931 г., можно вполне заключить словами Л. Я. Штернберга из его отмеченной Ф. Энгельсом работы „Сахалинские гиляки", опубликованной в „Этнографическом обозрении" в 1893 г., т. е. 40 лет назад. „На общей охоте, например, при ловле нерп, дельфинов, когда с этой целью гиляки собираются по нескольку человек на одной лодке, добыча делится поровну между всеми участвующими. Хозяин лодки получает наравне с подростком, сидящим на гребках. Даже искусство металльщика-копья или стрелы не составляет особого вознаграждения. И мало того, при далеких экспедициях, например, с Амура на юг Сахалина, сверх равного пая добычи получает не собственник лодки, а тот, который в пути исполняет хлопотливые обязанности по приготовлению пищи и доставлению дров". За эту, повидимому, работу старик Onkan получил не только равную долю с другими охотниками, но и лишнего рэγi' (см. гл. 5).

16

Из числа записанных мною примеров считаю нужным привести еще один пример распределения добычи в коллективе Xitkun'a, так как в нем мы замечаем совершенно новое явление.

Коллектив Xitkun'a добыл 14 сивучей. Двух сивучей разрезали на ремни. Самого молодого сивуча nav-ŋa разрезали на три ремня, а tje-ŋa на 4 ремня. Итого на 7 ремней. Осталось 12 сивучей. Хиткун разделил их на 7 частей по $1^1/_2$ сивуча на человека. Итого $10^1/_2$ сивучей. Осталось еще $1^1/_2$ сивуча. Сало поделили (к сожалению, не спросил как), а $1^1/_2$ шкуры сивуча решили высушить и потом поровну разделить на ki (головки для обуви вместе с подошвой). Вместе с Xitkun'ом в лодке было 6 человек, а добычу они разделили на 7. Оказывается, что 7-я доля есть mu-ar — лодочная доля (или как они выражаются пай), т. е. та плата, которую они должны были уплатить гиляку Arban'у за арендованную у него на время охоты лодку. Xitkun и ехавшие с ним охотники вынуждены были взять ее у него, так как никто из них не имел пригодной для поездок по морю лодки.

В первых примерах дележа добычи мы видим, что хозяин лодки, он же и pilaŋ, не берет себе абсолютно ничего лишнего ни за лодку, ни за свой труд по организации и руководству коллективом.

В последнем случае мы видим уже возникшую на основе владения орудиями труда эксплоатацию, проводящуюся под видом своеобразной аренды этих орудий. Хозяин лодки сам не едет на охоту. Он предоставляет ее другим, за что получает равную долю добычи, как если бы он сам принимал участие в охоте.

Двигаясь от Куль, самой северной в настоящее время на материке гиляцкой деревни, по направлению к г. Николаевску, бывшего в недавнем прошлом центром капиталистического влияния на гиляков, мы замечаем любопытное явление. В селениях, расположенных поблизости от г. Николаевска, а, следовательно, испытавших на себе наибольшее влияние его, хозяин лодки во время рыбной ловли совсем еще недавно брал 1 долю улова не только на себя, но и 1 долю за лодку, что представляет собой дальнейшее развитие тех

эксплоататорских отношений, возникновение которых мы замечаем в морском промысле гиляков д. Куль. Мало того, он выделял еще доли на свою жену и детей, не принимавших никакого участия в промысле.

Такое стремление в выделении для себя лишних долей добычи объясняется тем, что рыба, через некоторое время после основания г. Николаевска, приобрела товарное значение. В низовья р. Амура, на одно из богатейших в мире мест по добыче кеты, устремились рыбопромышленники и торговцы, скупавшие у гиляков кету. Гиляки низовьев Амура, ведшие прежде торговлю с китайцами и японцами, начали торговать с русскими кетой, не игравшей в их прежней торговле никакой роли. Владельцы заездков и неводов превратились в предпринимателей, доставлявших рыбу крупным рыботорговцам: Лури, Видерману и др. Они начали увеличивать заездки и нанимать рабочую силу из среды русских, корейцев и, в особенности, гиляков, приезжавших к ним с Сахалина и из деревень, расположенных выше Николаевска. „Имея заездок как доходную статью, сообщает ярый колонизатор и сторонник притеснения «инородцев» Н. В. Слюнин, гиляк превратился в рантьера, ничего не делающего и все лето пьянствующего".[1] Любопытно, что возникшие у гиляков новые отношения эксплоатации на основе владения орудиями труда не создали новых форм распределения. Распределение продолжало производиться в старой форме под видом древнего охотничьего способа распределения добычи на доли. Появились только новые дольщики. В старую форму было влито новое содержание. Владелец орудий труда, стремясь получить большую часть добычи, начал выдвигать в качестве своих дольщиков лиц из своей семьи, не принимавших никакого участия в процессе производства: жен, детей,[2] а также орудия труда: лодку и невод, мало того, скамеечку в лодке (mlət) и даже полочку над дверьми в доме (nγəmr-tis).

Приводим иллюстрации сказанного.

По сообщению гиляка γargun'a (?), в настоящее время живущего в д. Cγarvaχ (Чарбах), в 1917 или 1918 г. он вместе с тремя гиляками из д. Кальм и одним гиляком из д. Təlmə спустились в низовья р. Амура, где работали во время хода кеты на о. Лангр у гиляка Armən'a, жителя этого острова, которого я лично видел в 1931 г. Вместе с Armən'ом работал его брат. Итого их работало семь человек. Когда кончился лов кеты, Armən разделил добычу. Он с братом, вдвоем, получили 6 долей, а остальные гиляки 5, по одной доле на человека. Эти 6 долей, полученных Armən'ом, составились следующим образом: Armən взял 1 долю на себя, 1 долю на брата, 1 долю за лодку, 1 долю за невод, 1 долю на жену и 1 долю на старуху-мать, не принимавших участия в лове. Работникам-гилякам выделения долей добычи на семью не производилось.

Аналогичные факты я наблюдал на этом же острове в 1927 г. Они имели там место и в 1931 г.

В д. Vaz-vo (Васин Мыс), с которого гиляки были согнаны в 1914 или 1915 г., система эксплоатации на почве владения орудиями труда была, повидимому, еще более жестокая. По сообщению прекрасного знатока быта гиляков, любознательного гиляка Əγisk в Vaz-vo хозяин заездка брал 1 долю на себя, 1 долю за лодку, 1 долю за дощатую скамеечку в лодке (mlət), 1 долю за nγəmr-t'is — полку над дверью в сенях. Выяснить смысл взятия доли за nγəmr-t'is мне не удалось. Да и вряд ли может удастся выяснить что-либо

[1] Н. В. Слюнин. Современное положение нашего Дальнего Востока. Стр. 96. 1908. СПб.

[2] Мне рассказывали случаи, когда на о. Лангр владелец невода иногда включал в артель своего малолетнего сына, который мог выполнить лишь мелкие поручения, за что отец получал на него одну долю добычи, по местному выражению, пай.

кроме того, что это лишь новый предлог владельца орудий труда для получения им лишней доли добычи в свою пользу.

О совершенно анекдотическом случае, имевшем место в 1930 г. в д. Пуир, рассказал мне житель этой деревни гиляк Мискин. Старый гиляк, почему-то именуемый Теткиным, предложил поехать с ним на добычу калуги молодым гилякам Пнадаину, Лахтаку и Кондину(?). После добычи калуги Теткин выделил для себя 4 доли: 1 на себя, 1 почему-то на знакомого ему русского в д. Макарьевке, 1 на дочь, находящуюся в д. Лянгр и 1 на дочь, находящуюся в д. Чарбах. Своим спутникам он выделил по одной доле. Об этом случае я разговаривал потом с Пнадаиным. Пнадаин подтвердил рассказанное Мискиным и внес какие-то уточнения. К сожалению, я записал сообщение Пнадаина на отдельном листке бумаги и, повидимому, потерял его.

Я остановился здесь на этом для того, чтобы пока в самых общих и предварительных чертах показать, как владелец орудий труда у гиляков, каким мы его застаем еще в д. Куль, мог превратиться под влиянием русского капитализма в кулака эксплоататора, а также, как были использованы им в целях эксплоатации старые формы распределения добычи на доли. Этот интересный процесс заслуживает внимательного изучения.

17

После того как разделена добыча, охотники и их жены сразу же принимаются за работу. Работы много. Надо отделить сало от шкур. Надо натянуть шкуры на специальные рамы для сушки тюленьих шкур. Надо нарезать ремни и растянуть их для сушки, ибо из иссохшейся шкуры ремней нарезать нельзя (натягивание шкур на рамы для сушки и разрезание ремней производит мужчина). Наконец, надо сварить головы и приготовить их для выбрасывания в море.

Я видел, как работали обе жены Xitkun'a по возвращении его с охоты. Одна, более молодая, из его жен занялась отделением сала от шкуры. На помощь ей пришла женщина, жена одного из сородичей Xitkun'a. Работа по отделению сала от шкуры весьма трудная. Женщине почти все время приходится работать в согнутом положении. Я видел, как во время очистки шкуры от сала жена Xitkun'a захватила ртом часть очищенной от сала шкуры и таким образом приподняла ее. В это же время левой рукой она придерживала отделенное сало, а правой продолжала дальше отделять его от шкуры большим, узким и немного согнутым ножом.

Между прочим жидкий тюлений жир гиляки получают следующим образом. Сало (ηοχ) нарезают кусками. Куски кладут в бочку (раньше клали в большое глубокое корыто ket), которую ставят потом в теплое место. В теплом месте сало начинает разлагаться и таять (более точно объяснить происходящий в нем процесс я не в состоянии). Из сала вытекает жидкий желтый жир (t'om). В зависимости от возраста тюленя и породы жир этот бывает более светлым или темным и мутным. Растаявший жир гиляки сливают в высушенные желудки тюленей. Остатки от растаявшего сала (taχ) отдаются собакам. Желудки тюленей используются гиляками для хранения тюленьего жира. Убив тюленя, гиляки освобождают его желудок от содержимого, надувают и вешают сушить. В таком пузыре жир сохраняется очень долго. Будучи наполнен жиром, он подвешивается гиляками в амбаре.

В то время как одна жена Xitkun'a отделяла сало от кожи, другая его жена, именуемая Hemanχ 'старуха', приготовляла к варке головы. Не случайно, конечно, приготовляла их к варке Hemanχ, старшая жена Xitkun'a. Приготовление голов требует некоторого знания религиозных обрядов, блюстителями которых являются старики.

18

Кстати о расшифровке слова hemanχ 'старуха' и hemar 'старик'. В указанных двух словах есть одно общее звукосочетание hem и разные окончания ar и anχ. Ar значит по-гиляцки самец, а anχ самка. Что же такое hem? В говоре д. Чайво сахалинского диалекта, сохранившем по сравнению с амурским, много более ранних форм, старик называется hajmŋar. Слово hajmŋar очень легко этимологизуется. В этом же диалекте имеется слово jajmnd 'знать' (в амурском диалекте ему соответствует jəjmd). При прямом дополнении, которое по законам гиляцкого языка сливается со сказуемым, j чередуется с h. Так, напр., „я Мизгуна знаю" по-гиляцки будет звучать Ni Mizgun-hajmnd. Таким образом, от глагола jajmnd мы получаем вторую форму основы hajmnd, которая существует независимо от первой, как самостоятельное слово (как непереходящая форма переходящего глагола jajmnd 'знать') с значением 'стареть'. Hajmnd значит 'стареть'. (В гиляцком языке непереходящие глаголы образуются из переходящих посредством чередования начального согласного основы переходящего глагола.) 'Знать' и 'стареть', в гиляцком языке, в генезисе происходят от одной основы и это совершенно понятно, ибо для первобытного человека знание приходило с большим жизненным опытом — старостью. Таким образом, происхождение hajm в слове hajmŋar мы выяснили: hajm происходит от непереходящей формы основы 'знать', значащей в этой форме 'стареть'. ŋ есть суффикс, оформляющий глаголы в имена существительные. Значение ar мы знаем. Таким образом, слово hajmŋar значит 'знающий самец' или 'старый самец'. Амурское hem есть, конечно, не что иное, как сахалинское hajm-ŋ, претерпевшее в амурском диалекте сильное изменение. Утрата ŋ в hem понятна, так как амурский диалект в сравнении с сахалинским опускает конечное ŋ. Напр. murŋ (сахал. диал.) mur (амурск. диал.) 'лошадь'; qanŋ (сахал. диал.) qan (амурск. диал.) 'собака'. Почему hajm изменилось в амурском диалекте в hem, когда в нем следовало ожидать закономерного соответствия həjm, т. е. həjmar вместо hemar, в настоящее время нам объяснить трудно. Во всяком случае бесспорно, что hemar имеет то же значение, что hajmŋar, а hemanχ соответственно этому значит 'знающая самка' или 'старая самка'. Возможно, что некогда у гиляков слово ar значило не только самец, но и мужчина, тем более что в настоящее время у них имеется два слова для обозначения мужчины: azmət — в сахалинском диалекте и utku — в амурском.

19

Hemanχ сидела на корточках над корытом, в котором лежали головы сивучей. Кожа на головах сивучей была срезана почти до самых глаз. Кожа на морде была нетронута. Старуха взяла голову и вырезала сперва из нее горло вместе с языком. Потом она вынула из heqr kuti (?) всунутое туда охотниками растение piskər. После этого старуха вырвала у сивуча усы и положила их в отдельную чашку. Разрезав пополам кожу на морде сивуча, она срезала ее. Кожа с морды вешается над дверью, где висит до тех пор, пока, по выражению гиляков, не „потеряется". Вынув глаза, старуха разрезала их и вылила содержимое в чашку, где лежали усы. Затем она вывернула глаз и вырезала хрусталик, а потом зрачок. После этого она срезала noz-ŋək и положила его в отдельную чашку, так как его едят сырым.

Потом она разрезала мясо над черепной коробкой. Если череп был разбит ударником, она вынимала раздробленные косточки, тщательно обсасывала их и клала в отдельную посудину для того, чтобы потом вместе с головой выбросить их в море.

Если же череп не был разбит, старуха камнем проламывала его. Я спросил старуху, почему она проламывает череп камнем, а не топором, на что она ответила мне, что проламывать топором грех, так же как грех варить мозг, его надо есть только сырым. Кроме мозга, в сыром виде едят спину, сердце, кишки, почки, дыхательное горло и noz-ŋək.

Глядя на то, как старуха проламывает камнем головы сивучей, а потом запускает в окровавленный мозг пальцы и с всхлипом втягивает его в рот, я испытал ощущение будто машина времени на одно мгновение перенесла меня в каменный век. И верно. Отбросим ружье, недавно полученное гиляками, и готовое железо, которое они также недавно научились перерабатывать из японских котлов на ножи, наконечники копий, стрел, гарпунов и мы получим каменный наконечник на древке гарпуна и стрелы, каменный топор, о котором сохранил еще воспоминание их язык,[1] мы не найдем у них японского железного котла и нам станет понятно, почему старуха проламывает камнем голову, чтобы добыть из нее мозг, почему едят сырым не только мозг, но и мясо спины, сердце, кишки, почки, дыхательное горло и др., и совсем в ином виде начнет представляться весь гиляцкий быт.

Вынув мозг и положив его в отдельное корыто, старуха отделила нижнюю челюсть, обвязала ее посредине растением piskər и положила варить в котел. После этого она вдавила в отверстие глаз и носа сивуча по одному клубню сухой сараны и положила голову в котел.

Когда сварились головы, Xitkun с сыном и другие охотники принялись за еду. Мясо было подано им на плоских деревянных блюдах. Вместе с мясом им была подана бутылочка с солью и чашечка с мелко нарезанной черемшой. Есть вареное мясо с солью можно, но варить мясо или рыбу с солью нельзя. Раньше у гиляков соли не было. С солью они познакомились от китайцев. В 1926 г. в д. Чайво мне рассказали, что древние гиляки употребляли вместо соли раствор из золы. Об этом же в 1931 г. мне рассказали в д. Куль. По сообщениям древние гиляки сжигали выбрасываемые морем стволы и сучья деревьев. Золу от этих пропитанных морскими солями деревьев они разводили в воде, взятой из колодца или реки. Когда зола осаждалась на дно, оставалась по выражению гиляков Чайво „чистая как спирт вода". Вот эту воду они употребляли вместо соли. Я привез из д. Куль в Музей антропологии и этнографии проданную мне стариком Tujun'ом почерневшую от времени деревянную тарелку древних гиляков, специально изготовленную для тюленьего мяса. По бокам этой „тарелки" вырезаны две чашечки, в которые, как мне сообщил Tujun, наливали соленую воду для обмакивания в ней кусочков мяса.

20

На другой день, когда головы были очищены от мяса, их стали приготовлять к выбрасыванию в море. Головы выбрасывают в море не мужчины-охотники, а женщины, они же, как мы увидим, приносят плату огню. Хиткун из qosk-ŋəks 'рябины' выстружил маленькие, тонкие, белые стружки. Эти стружки называются iugrusps. Настрогав, он передал их своей жене Hemanχ. Старуха воткнула эти стружки в носовые отверстия обоих голов сивучей и обмазала их соком брусники. После этого она привязала при помощи стебля лопуха — pəs нижние челюсти к головам сивучей. Рядом с черепом лежали шейные позвонки (maχt) и кусочки костей проломанных черепов. Головы были сложены на доску. Другая жена Хиткуна взяла доску с головами и кружку, в которой лежали глаза, и пошла к морю. Я последовал за ней. По-

[1] См. нашу работу — „Гиляцкие числительные". Издание научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера ЦИК СССР, стр. 10, 1932.

тойдя к самой воде, она бросила подальше от берега в море головы сивучей. Потом она выплеснула подальше в море содержимое из кружки и бросила в море обломки черепа. За всем этим она бросила в воду траву muznisnər. Морская вода спокойно сомкнулась над брошенными в нее остатками сивуча.

Нагнувшись, жена Хиткуна взяла по счету голов сивуча камешки. Придя домой, она бросила их в огневище. Эти камешки называются uskis плата, (j-uski-d 'платить', s — суффикс орудия действия).

Возникает вопрос — почему этот камешек называется „платой' и почему платят за охоту хозяину огня?

Немного помочь в выяснении этого вопроса может следующее воззрение гиляков, сообщенное мне гиляком Мурмур из д. Чайво на о. Сахалине в 1927 г. Мурмур сообщил мне, что в то время, когда охотник еще спит, хозяин огня охотится за него на тюленей. Если хозяин огня не убил для него ни одного тюленя, то и охотник ничего не добудет. „Наш спи огонь вперед тюлень убей. Огонь тюлень убей нету, наш тогда тоже убей нету".

Обрядом выбрасывания голов в море заканчивается охота на тюленя.

Приложение

Охота на тюленя[1].

Мы весною в летнюю деревню приехали, голодали, рыбу только промышляли, крючком бычка-рыбу промышляя, только ели. Потом морской лед тронулся. Pilaŋ сказал: „Давайте уже тюленя промышлять. Сколько человек пойдет?" Тогда шесть человек поехать собралось. „Давайте, женщины, в воду бросание (т. е. угощение для жертвоприношения (делайте, mos делайте, muvi делайте". Потом спали. Утром встали, ели. „Свои вещи приготовьте, наконечники острог, древка острог, весла, скамеечки, все к лодке тащите". Потом свои вещи снесли в лодку, положили. Все в лодку спустились (вошли). Потом от берега оттолкнулись. Пятеро гребли. Потом гребя в море вышли. В море, когда вышли, к берегу пристали. Когда к берегу пристали, лодку вытащили, огонь зажгли. Ребята сказали: „Большой человек[2] tŋaj сделай". Большой человек tŋaj сделал. Два tŋaj сделал, один на носу находился, один на корме находился. Потом уже спустились, лодку оттолкнули, поехали. „Гребите. Лед вон там находится. Сильнее, сильнее, быстрей пойдем". К льду подъехали, на лед лодку подняли. „В море бросайте". В море (жертвоприношения) бросив, к тюленю подкрадывались. Потом товарищ один, ружье неся, пошел к тюленю, подкрадываясь шел. Подкрадываясь шел, потом выстрелил, убил. „Ребята, к своему товарищу идите, за тюленем идите". Четверо человек пошло. Большого тюленя (сивуча) приволокли. К лодке притащили. „Тюленя освежевайте. Тюленя освежевав, сварив поедим". Его освежевали, потом: „Быстрее идите, там тюлень опять есть. Тюленей много, быстро идите". Потом три человека вместе пошли, идя к тюленю, подкрадывались, стреляли, еще другого стреляли, двух убили. Pilaŋ сказал: „В лодке находящиеся к своим товарищам идите". Еще два человека к своим товарищам пошли. Pilaŋ один только в лодке находился. Потом тюленя волоча притащили. Три человека одного волочили, два человека еще одного волочили. „К лодке притащите". К лодке притащили. Pilaŋ сказал: „Освежевайте". Освежевали потом. „Уже темно. Мясо сварив, поедим. Мясо сварив, поев, потом уснем. На этой льдине спать будем". Стемнело. „Уснем".

[1] Перевод с гиляцкого. Текст записан в д. Hiski, расположенной в 40 вер. от д. Куль, 10 июля 1931 г. со слов старика гиляка Jajran'a.

[2] Т. е. pilaŋ.

Поспав потом утром встали. Когда утром встали, темно, туман. Pilaγ: „Темно. Мы как поедем. Не поедем. На льду находясь, подождем. „Товарища[1] погрузив, посмотрим, скоро поедем ли, не поедем ли. Большого товарища погрузив, посмотрим". Когда своего товарища погрузили. „Скоро не пойдем. Рассвета подождем". В то время как пребывали, темно. Потом чуть рассвело. Тогда pilaγ: „Когда рассветает, поедем". Огонь зажгли, котел поставили, ели. Ели, потом когда кончили, гора едва виднеться стала. „Когда хорошо рассветает, поедем". Уже рассвело, вся гора виднеться стала. „Далеко. Беда. К земле поедем". Поехали. В то время как ехали, темно стало, ночью ехали. В то время как ночью ехали, рассвело. Когда рассвело, земля близко. „К земле поедем". Ехали. К берегу подъехали, лодку вытащили. „Поедим". Едва не засыпаем; беда: ночь одну не спали. Pilaγ сказал: „Давайте, ребята. Тяжело. Здесь уснем". Потом спали. Выспавшись встали. Мы тюленя добыли мало. „Ребята, вернемся ли, опять тюленя промышлять будем ли". Ребята: „Опять тюленя промышлять будем". Опять к льдам поехали. В то время как ехали, к льду приехали. К льду когда приехали, тюленя увидели. На лодке только (букв. лодкою только) подкрадывались. Один, на носу находясь, стрелял, один возле него находился, вместе стреляли, стреляя убили, опять ехавши стреляли, опять убили, опять ехавши стреляя убили. Уже лодка почти полная. Уже пятнадцать сивучей убили. Лодка полная. „Уже к берегу поедем". В то время как ехали, темно стало. Ночью ехали. В то время как ехали, когда едва рассвело, к берегу приехали. Огонь зажгли, ели. „Ребята, поев, домой возвратимся". Поехали. В то время как долго ехали, к устью приехали. Из устья к деревне поехали. Женщины все спустились (к берегу). Дети спустились. Женщины: „Наши товарищи тюленя добыли. Хорошо. Вкусно". Мужчины тюленей вытащили. Все на берег вытащили. Лодку тянув подняли (на берег). Тюленей разделили. На шесть человек доли делали. Pilaγ доли делил. Разделил потом: „Свои доли возьмите". Потащили. Когда потащили, женщины головы варили. Головы сварив, ели. Женщины тюленя освежевали. Освежевав потом в котел положили. Мужчины, шкуры натянув, сушили.

[1] ḥafq-vax 'товарищ камень' или 'товарищеский камень'. В старину гиляки брали с собой в море небольшой камень, обвязанный бичевой. При помощи этого камня гиляки измеряли глубину дна, определяя таким образом расстояние до берега. Иногда такой камень берут с собой и в настоящее время.